

СТАТЬИ

ЭО, 2006 г., № 4

© А.В. Белова

ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

"Что придет после истории повседневности?" – этому несколько шокирующему вопросу уже более 10 лет. Именно так звучала провокационная тема подиумной дискуссии, состоявшейся 26 сентября 1992 г. в рамках 39-го Дня историка в Ганновере (Германия) в присутствии около 800 слушателей (*Schulze 1994a*). Ее участники обсуждали центральные проблемы актуальной историографии на "поле" истории повседневности. Тем самым они констатировали значение этого направления не только как новой парадигмы истории, но и как одной из доминантных перспектив обширной постистории, *Posthistoire* (*Niethammer 1989*). Заглавный вопрос ганноверской дискуссии свидетельствовал об истории повседневности как об уже состоявшемся историографическом этапе, маркированном массой прикладных исследований и концептуально осмысленном в целом ряде общетеоретических работ (*Schulze 1994b: 15–16*).

В российской исторической науке, несмотря на пришедшее, наконец, академическое признание (Приложение 2003: 6), история повседневности "приживается" с большим трудом, что означает неоправданное манкирование одним из ракурсов в исторической перспективе. Я исхожу отнюдь не из универсализации истории повседневности или придания ей особого статуса среди других субдисциплин, а из множественности интерпретаций истории, из плюральности направлений и дискурсов, ставшей приметой историографической ситуации последней трети XX в. (*Cornelißen 2000; Iggers 1996*).

Из разных *предметных полей* истории повседневности я сосредоточу свое внимание на одном, менее других "обихоженном", и осмелюсь предположить, более других в этом нуждающемся, – *женской повседневности*. По вполне понятным причинам женская повседневность не стала предметом специального анализа в российской историографии истории повседневности (при том, что и собственно историографических и методологических работ в этой области не так много¹). Те, кто выступил с интерпретирующими исследованиями (*Оболенская 1990, 1996; Пушкарева 2002б, 2004*), справедливо видели свою задачу в том, чтобы, по крайней мере, заявить о существовании в западной историографии многоликого направления, представленного часто сопоставляемыми немецкой "историей повседневности" (*Schulze 1994a*), итальянской "микроисторией" (*Ревель 1995, 1996; Medick 1994*) и французской "историей ментальностей" (*Bruguière et al. 1987; Kessel 2000*), обозначить сферу занятий и методы историков повседневности.

Очевидна прямая зависимость постановки вопроса о женской повседневности от позиции историка, в том числе от внутренней методологической установки на антропологически ориентированную историю (*Burke et al. 1992; Gebauer et al. 1989; Groh 1992a; Vogel 2000*) и от владения гендерной методологией (*Пушкарева 2000а, 2003*). Сложно изучать повседневность, если не видеть в этом один из способов исторической

Анна Валерьевна Белова – кандидат культурологии, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Тверского государственного университета.

интерпретации человеческой субъективности во всех многообразных ее проявлениях, не признавать значимости многих субъективностей в реализации исторического прошлого, которое сплетается из множества отдельных жизненных реальностей конкретных женщин и мужчин, их ежедневных практик и опытов. При этом женская повседневность, формально сопряженная в истории со сферой частного, как минимум, не менее релевантна для интерпретации социокультурного контекста, чем "противоположная" ей мужская, поскольку она составляла особое измерение в культуре и по особому функционировала. Небезынтересно, что само слово "повседневность" – женского рода и в русском, и в немецком (*die Alltäglichkeit*) языках, в которых есть эта отдельная лексема².

Цель данной статьи – приблизиться к пониманию того, что такое женская повседневность через уточнение предмета, задач и подходов истории повседневности, прояснение понятия "повседневность" и его влияния на статус дисциплины. Чем женская повседневность отличалась от мужской? На основе анализа каких источников можно изучать проблемы женской повседневности? В чем причины маргинализации истории женской повседневности как научного направления? Каково место этого направления в современном историко-этнологическом и культурологическом знании? Попытка ответить на эти вопросы предпринята в контексте анализа нескольких специальных проблем, из которых *первая* – собственно "история повседневности" как одно из направлений в историографии последней трети XX в. и ее интерес к женскому опыту; *вторая* – проблема дефиниций "повседневность" и "женская повседневность" и в связи с этим источников по истории женской повседневности; *третья* – место в современном российском научном дискурсе исследований женской дворянской повседневности.

"История повседневности" и ее интерес к женскому опыту

В *западной историографии* "история повседневности" существует как направление с конца 60-х годов XX в. Сразу замечу, что время и обстоятельства возникновения на волне бурных общественно-политических изменений и связанного с ними методологического бума в историографии 1960-х, а также пройденный путь от маргинализации к академическому признанию роднят ее с предшественницей гендерной женской историей. Непосредственно же появление истории повседневности было обусловлено общезначимым методологическим поворотом в исторической науке, ознаменованным признанием инновационного потенциала социальной истории по отношению к политической, и последовавшей затем дифференциацией самих представителей социальной истории на тех, кто занимался макроисторией классов, слоев и общественных изменений, и "микросториков", интересовавшихся повседневной жизнью нижних слоев (*Schulze 1994b: 8*). Отсюда другое название истории повседневности – "история снизу" (*Ehalt 1984a; Groh 1992c*).

Это предопределило ее начало как демократического, научно-критического и политического (как ни парадоксально) проекта (*Davin 1994; Lüdtke 1994*). Она исходила из намерения показать якобы безымянным "простым людям" их историю, а точнее, сделать ее отчетливой для других (*Lüdtke 1994: 75*). Основная интенция состояла в том, чтобы обнажить скрытое, озвучить, в том числе используя потенциал *oral history*, тех, кто, в отличие от элиты, не оставил собственных письменных свидетельств. В этом заключалось еще одно сходство с историей женщин, которых также предстояло "сделать видимыми" (*Bridenthal et al. 1977*) и вывести из-под окутывавшего их "покрова молчания" (*Перро 2003: 45*). Правда, в отношении последних замечу, что зачастую в безмолвии продолжали пребывать даже те из них, кто оставил после себя письменные тексты, ввиду того, что эти тексты попросту игнорировались, иногда сознательно замалчивались или неадекватно, а то и вовсе никак не интерпретировались традиционной историографией.

Вскоре стало ясно, что "не только рабочий", как пишет один из немецких теоретиков истории повседневности Петер Боршайд (Peter Borscheid, Marburg), "знает повседневность, но и политик, дворянин и священнослужитель" (Borscheid 1990: 400). Аргументируя эту точку зрения, П. Боршайд проводит аналогию с понятием "popular culture", подразумевающим не только культуру подчиненной части общества, но и всеобщие привычки, обычаи. «Если бы, – резюмирует он, – история повседневности ограничивалась только жизненными мирами бессильных и двигалась бы только по "следам побежденных" – такая новая книжная серия – она бы осталась историографическим ответвлением, которое вскоре запуталось бы в своих собственных паутинах» (Ibid.). Несмотря на то, что употребляемый П. Боршайдом мужской род обращает на себя внимание, в целом история повседневности априори была обречена на гендерную чувствительность, ведь среди депривированных и лишенных исторического голоса были люди разного пола и по-разному осознававшие свою половую идентичность. А уж что касается женщин, то их социальное подчинение и "бессилие" определялись не только и не столько социальной позицией (которая могла быть и высокой), сколько именно принадлежностью к полу.

В 80–90-е годы XX в. в национальных историографиях Австрии и Германии (в которых направление Alltagsgeschichte одно из доминантных) развернулись дискуссии социальных историков разного профиля относительно содержания понятия "повседневность" и предмета "истории повседневности". Отражая процесс институционализации направления, эти дискуссии были спровоцированы тем, что в немецкоязычном мире исследования повседневности в известной мере все-таки были рецепированы у французской школы "Анналов" (Ehalt 1984b: 14). Последнее не исключало, однако, точки зрения, представленной критическим отношением к "истории ментальностей" в свете изучения повседневности (Burkardt 1994). В ходе дискуссий акцентировалось, что в центре изучения "истории повседневности" стоят «формы восприятия и сознания прежде всего "маленьких людей", но также их материальные условия» (Ehalt 1984c: 7), "жизненные миры" вслед за Альфредом Шютцем³ (Borscheid 1990: 390), «повторы человеческих поступков и мыслей, таким образом, как это выражается прежде всего в проживании, одежде и еде, в частной жизни и при исполнении служебных обязанностей, в удовольствии и общительности, а также в "культуре" в широком смысле» (Ibid.). Как видно, П. Боршайд, признающий наличие повседневности у представителей разных социальных слоев, не исключает и публичную сферу из ареала реализации повседневного и отнюдь не соотносит его только с частным пространством жизни. По мнению Альфа Людтке (Alf Lüdtkе, Göttingen), "история повседневности нацелена на постепенную реконструкцию поступков и образа действий, объяснений и чувствований людей" (Lüdtkе 1994: 75).

При этом история повседневности коррелирует определенным образом и с историей структур. П. Боршайд, например, считает, что "субъективные опыты и восприятия, переживания и образы жизни будут передвинуты в поле зрения намного сильнее (однако, не исключительно), чем в истории структур, которая хочет исследовать главным образом структуры и процессы, "которые полностью не были известны решающим и действующим лицам, узнававшим о них или совсем ничего или только частично или искаженно". Структуры должны дополнительно рассматриваться таким образом, как они появляются в повседневной жизни и там воспринимаются или нет" (Borscheid 1990: 390).

Американский историограф Джордж Иггерс (Georg G. Iggers), анализировавший историю повседневности в интернациональном историографическом контексте, подчеркивает взаимосвязь "между всеобъемлющими структурами и практикой субъектов", а также акцентирует внимание на изучении *субъективности многих людей*, что, по его мнению, ведет к новому пониманию истории, преодолению центристского и однолинейного ее видения (Iggers 1996: 75). Самое важное, что "очеловечение истории" трак-

туется им как переход в историописании от больших процессов к истории на ограниченном пространстве с анализом *переживаний и жизненных опытов конкретных людей или маленьких групп людей, но всегда в рамках этих более больших процессов* (Ibid.: 78).

Д. Иггерс особо отмечает, что история повседневности, дистанцировавшись от таких макроисторических категорий, как "рынок" и "государство", имеющих решающее значение для марксизма и различных форм социально-исторического знания, напротив, приняла идею того, что господство и социальное неравенство являются основными факторами истории. Только теперь эти факторы исследуются через повседневные опыты людей (Ibid.: 81). Вслед за М. Фуко речь идет о том, как отношения господства (власти, *le pouvoir*) сказываются на отношениях между людьми. Наряду, например, с рабочей историей, исследующейся "не только на макроуровне государства и рыночной экономики, но на очень личном уровне отношений людей на рабочем месте" (Ibid.: 82), подобная переориентация затронула и историю женщин, которая, по утверждению Д. Иггерса, отвернувшись от женского движения, первоначально центральной темы женских исследований, стала двигаться в направлении *критической истории женской повседневности* (Ibid.).

Без введения категории пола, например, с точки зрения марксистского представления о классах, *женщина-невидима, как женщина*, о чем хорошо известно, в частности, по индифферентной к полу советской историографии. Можно даже предположить, что история повседневности изначально содержит гендерное измерение внутри себя. При этом отношения мужчины и женщины видятся как существенно неравные. Однако то, что для марксизма является классовой борьбой, определяется многими историками повседневности и микроисториками как сопротивление. Оно выражается не столько в привлекающем всеобщее внимание бунте, сколько в "изолированных формах ежедневного поведения" (Ibid.).

Тема *взаимосвязи истории повседневности с женскими и гендерными исследованиями* нашла особое решение в работах женщин-историков и этнографов – представительниц немецкой и английской историографии. В частности, Карола Липп (Carola Lipp, Göttingen), специалист в области культуры повседневности в эмпирических культурных исследованиях и этнографии, настаивает на тесном соединении этих синхронно развивавшихся исследовательских полей. С ее точки зрения, женские и гендерные исследования часто относят к исследованиям повседневности ввиду того, что *будни* (*der Alltag*) "как место прямой коммуникации и удовлетворения непосредственных потребностей аналогичны господствующей дефиниции гендерного характера *жизненного пространства женщины* (*der Lebensraum der Frau*)" (Lipp 1994: 85). Она утверждает, что именно в женских исследованиях с их "микроскопическим взглядом" возникло большое число работ под заглавием "*женская повседневность*" (*Frauenalltag*), посвященных "жизненным и рабочим отношениям женщин всех слоев" (от работниц и служащих, крестьянок, портних или водителей речных судов до супругов профессоров). К. Липп делает чрезвычайно важный вывод о том, что *женские исследования форсировали развитие исследований повседневности* (Ibid.: 86). По ее мнению, начавшееся в 60-е годы XX в. развитие этнографических женских исследований было также в значительной степени инспирировано дискуссиями женщин-историков и культурно-антропологическими начинаниями американских феминисток (Lipp 1988). "Аналогично изменялись и постановки вопросов: от описаний материальной повседневности к символическим аспектам повседневных поступков" (Lipp 1994: 86; 1986).

Таким образом, проблематизация женской повседневности стала предметом сближения этнологии не только с женскими и гендерными исследованиями, но и с историей повседневности. Обоюдность процесса провоцировалась тем, что история в последней трети XX в. явно ощущала на себе, по выражению Жака Ревеля, "очаровывающее воздействие опыта этнологии" (Ревель 1995: 21; 1996: 112). Вместе с тем Энн Дэвин

(Ann Davin), активная участница английского движения исторических мастерских (History Workshop movement)⁴, известная своими трудами по женской рабочей истории, еще в начале 1990-х годов вынуждена была констатировать, что "мужчины, которые пишут этнически ориентированную историю, до сих пор мало занимались женскими и гендерными темами" (Davin 1994: 47). Напротив, *феминистские историки*, по ее убеждению, аргументируют то, что вопросы социального пола, или гендера, сексуальности, места и опыта женщин являются существенными для видения прошлого, не только обогащая, но и преобразовывая его (Ibid.: 48). Исследование исторической субъективности, идентичности и сознания подчинено задаче «выяснения *контекстов*, внутри которых формируются *многообразные и часто наслаивающиеся идентичности женщин* (как женщины, но также как работницы и/или "не имеющей занятия", гетеросексуальной и/или гомосексуальной, матери или нет, замужней или свободной, англичанки и/или ирландки, еврейки, африканки, индианки, западноиндианки, члена того или иного класса), и обнаружения комплексных отношений между идеологией и практикой в этих областях» (Ibid.).

Э. Дэвин, как и К. Липп, принадлежит к числу тех женщин-историков, которые напрямую соотносят развитие истории женщин и истории повседневности. Не случайно, одна из ее специальных статей посвящена этой взаимосвязи и носит характерное название "Женщины и история повседневности". В этой статье, в частности, утверждается, что в Англии история повседневной жизни родилась из инициированных в конце 1960-х годов студентками и феминистками ежегодных конференций исторических мастерских, на которых, правда, еще не употреблялся сам термин "история повседневности" (Ibid.: 41). Э. Дэвин указывает на значительную социальную востребованность и истории женщин, и истории повседневности. По ее мнению, "вызывающие всеобщий интерес книги о женской жизни и биографиях женщин процветают", а "богато иллюстрированные книги (без сносок) об истории одежды, воспитании детей, истории мебели, инструмента, транспорта или различных повседневных вещей" не уступают им в популярности (Ibid.: 53). Дэвин подчеркивает одно чрезвычайно важное обстоятельство: *более глубокое понимание различий в повседневных привычках*, подтверждающее то, что общества меняются, а вместе с ними меняются и способы, которыми обычные люди ведут свою жизнь и оформляют свои отношения, *должно также противодействовать фаталистическому признанию сложившегося порядка вещей как "естественного"* (Ibid.: 55). Это актуально, на мой взгляд, прежде всего в плане критического осмысления распределения гендерных ролей и функциональных сфер в обществе. Истории женщин и история повседневности открывают, с точки зрения Э. Дэвин, новые возможности до тех пор, пока осуществляется коммуникация между женщинами-историками разного профиля и женщинами-авторами и читательницами. Это всегда было целью, правда, не всегда достигаемой исторических мастерских.

В методологическом плане "узкий угол зрения на локальное или специфическое" может действовать столь же ограничивающе, сколь и "широкий обзор или слишком теоретический анализ" (Ibid.). Поэтому историком повседневности, по мнению Дэвин, будут востребованы разные инструменты анализа: и "микроскоп", и "телескоп". Важно видеть историю вещей как историю их проектирования, производства, продажи и использования. Другой, теперь уже общий для большинства гендерологов аспект, – положение о том, что "история женщин должна пониматься относительно мужчин". Тем не менее Э. Дэвин особо отмечает, что "специализированные истории структур или внешних знаков повседневной жизни ни в коем случае не достаточны" (Ibid.). *Повседневность* для нее связана с тем, *как люди думают, чувствуют, взаимодействуют при регулярном исполнении своих обязанностей дома, во время работы или находясь в своем привычном материальном окружении*. При этом семья – не просто совокупность старых и молодых, мужчин и женщин. Она охватывает также хозяйственные, эмоциональные и властные отношения, которые обнаруживают вари-

ации как при сравнении разных периодов времени и разных мест, так и в течение одного и того же периода и на одном месте. "Значения домашнего очага, национальной идентичности, сексуальности, возраста, материнства, работы, этнической идентичности и религии варьируют и изменяются. И исследование вариаций и изменений столь же необходимо для таких понятий, как народность и традиция, которые имеют свою собственную историю, сколь и для нации, хозяйства или государства" (Ibid.: 55, 56).

Своим окончательным выводом Энн Дэвин как бы солидаризируется с Каролой Липп, утверждая, что *"история женщин имела важное влияние на историю повседневности"* (Ibid.: 56). Это влияние заключалось прежде всего в том, что она способствовала установлению связи между повседневными подробностями и общественными структурами пола, власти, сексуальности и культуры. Одновременно рост числа исследований по практическим аспектам повседневной жизни помог, с точки зрения Э. Дэвин, документировать то, как люди жили в таких структурах. Более того, она убеждена, что исследования по истории повседневности и истории женщин, плодотворно влияющие друг на друга, могут воздействовать на общее понимание истории в академическом мире и за его пределами.

В предисловии к широко известной и уже ставшей классической во французской историографии пятитомной "Истории женщин" Ж. Дюби (Georges Duby) и М. Перро (Michelle Perrot) отмечали, что выведению женщин из "тени истории" во многом способствовала, наряду с подъемом антропологии, история ментальностей, которая как раз "уделяла большее внимание повседневной жизни, приватному и индивидуальному" (Duby et al. 1994: 9). Реализация фундаментального труда по "истории женщин" изначально корреспондировала с изучением "женской повседневности", поскольку имела целью исследовать "их жизненные миры, их роли и власть, образы действий, их молчание и говорение" (Ibid.). Еще раньше, отвечая на вопрос, "возможна ли история женщин", французские историки связывали ее с использованием антропологических методов и источников, понятийного аппарата истории ментальностей и подхода истории повседневности (Corbin et al. 1989: 8).

Понятия "повседневность", "женская повседневность" и источники по истории женской повседневности

Вопрос о содержании понятия "повседневность" носит принципиальный характер ввиду связи даже не столько с необходимостью уточнения предмета истории повседневности, сколько с определением статуса данного направления в историографии. Закрепившись в новоевропейском сознании как оценочное понятие, оно парадоксальным образом стало преградой на пути утверждения одноименной истории. Вместе с тем в работах российских ученых "повседневность" часто фигурирует как нечто для всех очевидное⁵. На самом же деле это понятие относится, скорее, к разряду "лжеочевидностей" (термин Р. Барта). Важно постараться определить его содержание, приписываемые ему смыслы и по возможности "очистить" от оценочности.

Как само понятие "повседневность"/"повседневная жизнь", так и близкие по смыслу термины – "каждодневность"/"каждодневная жизнь", "обыденность"/"обыденная жизнь", "будни" имеют выраженную в большей или меньшей степени негативную коннотацию. Их можно отнести к долгое время (как минимум, с культуры романтизма) обесценивавшимся понятиям, поскольку реалии, которые в них отражались, постулировались как несущественные, вторичные, незначимые.

Как показывает анализ *исторического содержания терминов* в русском языке XI–XVII вв. буквальное содержание термина "повседневный" (СлРЯ XI–XVII вв. 1989: 175, 176), связанное происхождением с богослужебной практикой⁶, служило для обозначения временных промежутков между церковными праздниками в составе седмичного и годичного кругов богослужения и потому было не оценочным, а функциональ-

ным. Этимология слова "повседневный/повсядневный", идущая от выражения "по вся дни", свидетельствует о том, что речь шла о чем-то происходившем или случившемся "во все дни, кроме праздничных". Имеющее наибольший негативный резонанс определение "обыденный" восходит к слову "обыденки", т.е. "сутки, день и ночь", и вместо современного значения "обыкновенный, заурядный" (Ожегов 1984: 377) в XIX в. обозначало "однодневный, однодневный, суточный, об один день сделанный, одни сутки длящийся" (Даль 1981: 637). Этимологически "обыденность" относилась не к качеству, а к продолжительности.

Негативные ценностные коннотации, привнесенные просветительским проектом в восприятие повседневного, были следствием и одним из проявлений "встроенных" в него оппозиций "высокого"/"низкого", "выдающегося"/"заурядного", "гениального"/"посредственного". Живучесть просвещенческих мифов доказывается бытующим вплоть до сегодняшнего времени противопоставлением "обыденности" "творчеству". Не случайно, пересмотр господствовавшей ценностной иерархии в постмодернистской культуре, постмодернистский вызов гуманитарному знанию, в том числе исторической науке (Гуревич 1996; Пушкарева 2000б; Ястребицкая 2001), повлек за собой открытие повседневного опыта как темы исследования и предмета научного анализа (Будде 1999: 140; Козлова 1998), придание значимости повседневности как объекту научного интереса.

Очевидно, понятия "повседневность" и "женская повседневность" нуждаются в дополнительной теоретической разработке. В качестве одной из версий попробую предложить свое определение "повседневности" и объяснить феномен женской повседневности. Речь в данном случае может идти о так называемом рабочем определении, не претендующем на исключительность.

На мой взгляд, *повседневность – это жизненный континуум, непрерывность опытов, практик, восприятий, а главное – переживаний, реализующих субъективность*. Не случайно история повседневности, в отличие от прочих направлений и методологических подходов, – именно "*пережитая*" история. Повседневность имеет формальную длительность, определяемую суточным, годичным, жизненным циклами индивида. Вместе с тем время повседневности – это субъективное время, дифференцируемое собственными вехами в зависимости от значимости того или иного индивидуального переживания и последующего воспоминания о нем. Эти вехи – структурообразующие ретроспективы повседневности – результат умножения определенного субъективного опыта на поле культурных смыслов.

Объяснение феномена женской повседневности не исчерпывается простой применимостью изложенного выше определения к субъектам-женщинам. Речь идет о качественной специфике именно женских опытов и переживаний, жизненных практик и восприятий, поведенческих стратегий и отношений. Под *женской повседневностью* (Frauenalltag) я понимаю *способы проживания и переживания всех разновидностей, форм, сфер и проявлений неинституционализованного женского опыта* (как отрефлексированного, так и ментального, вербального и телесного, эмоционального, культурно-символического, хозяйственного, религиозного, сексуального и др.). Важно подчеркнуть, что даже в рамках таких значимых в этнологическом и социологическом дискурсах институтов, как, например, родство, брак, семья и др., собственно женский опыт отличался разнообразием реакций, часто выходил за рамки предписываемых практик и "нормативных" поведенческих стратегий. "Неинституционализованный опыт" только и был специфически женским ввиду того, что опыт женщин в рамках того или иного социального института, конституируемого мужчинами, в чистом виде таковым не являлся. Институциональный женский опыт включался и адаптировался "*мужскими*" институтами. Причем, адаптация через унификацию, а не через *плюральность* – принадлежность мужского опыта. Опыт женского – это опыт *плюрального, неуловимого*

в прямом и символическом смыслах, нефиксируемого или с трудом фиксируемого мужчинами⁸.

Своеобразным *дисплеем женской субъективности* являются так называемые *субъективные источники* (subjektive Quellen) (Diekwisch 1994: 10), иначе называемые *частными источниками* (Perro 2003: 50) во французской традиции, или источниками *личного происхождения* (Румянцева 1998: 466) в русской. Это важнейшие источники по истории повседневности: письма, дневниковые записи, автобиографические тексты, мемуары, частные альбомы и журналы, книги домашних расходов (Diekwisch 1994: 9–11; Davin 1994: 39). Существенно, что они не только служат источниками типичного для своего времени восприятия внешних событий, но прежде всего выражают грань внутриспсихического переживания, сокровенные мечты и страхи, сознательные и бессознательные стратегии действия и вытеснения (Diekwisch 1994: 10). Следует заметить, что письменные источники личного происхождения могут содержать записи устной коммуникации, дающей представление о повседневном дискурсе, его содержании, функциях и свойствах. Также к источникам по истории повседневности относятся *предметы обихода, визуальные свидетельства*, такие как частные семейные фотографии, которые могут оказаться своеобразным "резервуаром воспоминаний" (Ibid.). Важное значение имеют и источники, на которых базируется устная история (oral history), а именно *интервью-воспоминания*. Последние позволяют выявить плюральность культур и жизненных укладов, сделать акцент на различиях ценностных ориентаций и мотиваций человеческих действий, отказаться от монолитной картины мира, якобы присущей людям разного пола, находящимся на разных уровнях властных иерархий.

С учетом специфики источников по изучению женской повседневности еще более отчетливыми становятся *отличия ее от мужской повседневности*. Мужчины – авторы "воспоминаний" или "записок" – в большинстве своем преследовали цель вписать себя, какие-то вехи своих индивидуальных биографий в общественный, точнее, государственный и, шире, исторический контекст. Даже при ведении образа жизни частного лица позиционирование себя в "мужских" текстах коррелировало со сферой публичного. Это непосредственно отразилось на жанровом своеобразии этих текстов, относимых с источниковедческой точки зрения к мемуарам, в отличие от женских, которые, вне зависимости от формальных названий, писались как автобиографии (Пушкарева 2000в, 2001; Савкина 2001). Интересно, что в "мужских" автобиографиях, подчас представляющих собой расширенную версию послужного списка, можно вообще не встретить той самой "пережитой" истории, с которой и отождествляется повседневность. Нередко доминировавшие конструкты мужественности ориентировали мужчин на табуирование описаний собственных переживаний, внутренних эмоциональных опытов, избегание в текстах подробностей того, что происходило с ними изо дня в день в пределах частного пространства жизни и не добавляло им, в их же глазах, большей значимости с точки зрения публичной репрезентации.

В женских письмах реже, чем в мужских, можно встретить упоминания о фактах общественно-политической значимости, принадлежащих событийной истории, а чаще – описание повседневных реалий и личных переживаний (Белова 2001а, 2001б, Belova 2003б). По этой причине письма женщин занимают маргинальную позицию в иерархии исторических источников, основанной на критерии узко понимаемой документальности и "мнимой объективности" (Будде 1999: 140). Акцент в мужских письмах почти всегда делается на описании *очевиднособытийного*, причем эта внешняя по отношению к мужчине как к субъекту событийности практически никогда не связана с внутренним миром его собственной эмоциональности. В мужском дискурсе запечатлеваются некие условно общезначимые, с точки зрения этого дискурса, факты и события, характеризующие мир вокруг мужского субъекта. Письма мужчин либо отражают уже существующую включенность их в иерархию, либо как раз выстраивают та-

кую иерархию. В мужских письмах прочитывается субординированность по отношению к адресату вне зависимости от пола последнего. Для женщин же характерно и, следовательно, более значимо установление горизонтальных связей, создание "сети отношений" (термин К. Гиллиган) вместо акцентирования властной вертикали. Искренняя привязанность предпочитается ими маркированию статусов. Для женщины написание писем – постоянно возобновляющееся переживание собственной субъективности, для мужчины, как правило, вынужденная необходимость передачи конкретной информации или поиска защиты, протекции, покровительства.

Проблема "женской повседневности" в современном российском научном дискурсе

В российском научном пространстве женская повседневность как область исследования находится в позиции, как минимум, *двойной маргинальности* из-за неоднозначности статусов тех субдисциплин, с которыми она непосредственно соотносится, а именно истории повседневности и исторической феминологии. Во-первых, как уже отмечалось выше, в отличие от западных национальных историографий, процесс институционализации истории повседневности как одного из направлений в российской исторической науке сегодня нельзя считать завершенным. Во-вторых, несмотря на 20-летнее существование российской истории женщин (Пушкарева 2002а), ей по-прежнему необходимо доказывать свою эвристическую значимость для корректировки объяснительных концептов прошлого. Историческая феминология, представленная полновесной традицией конкретно-исторических и интерпретирующих исследований, продолжает, тем не менее, нести реноме экзотичности и дополнительности.

В то же время проблематизация женской повседневности позволяет сделать *объектами этнологического изучения те культуры, которые никогда не маркировались как традиционные*, и, следовательно, не привлекали внимания этнологов (Белова 2005а). Например, этнологи практически не занимались (за исключением работ Н.Л. Пушкаревой о частной жизни и повседневном быте русских женщин X – начала XIX в.) систематическим изучением традиционно-бытовых компонентов дворянской культуры, т.е. обычаев, традиций, верований, искусств, обрядов, праздников, с учетом гендерной дифференциации и связанных с ними жизненных циклов женщин и мужчин.

При этом важно подчеркнуть, что в российской этнологии носителем национальной культурной традиции считалось и считается крестьянство с его специфическим жизненным и культурным укладом, приверженностью общинному началу и православному вероисповеданию. В то же время дворянство, особенно провинциальное, никогда не изучалось с точки зрения сохранения традиционного русского быта, хотя именно укорененность в нем, несмотря на внешнюю европеизированность и наряду с ней, составляет, на мой взгляд, важную социокультурную характеристику дворянской общности. При этом этнологический интерес к дворянской культуре представляется оправданным не только с точки зрения истории повседневности, но и в рамках общей тенденции в развитии антропологического знания последней трети XX в., отмеченной переходом от изучения "незападных, дописьменных культур" к "изучению культур всех типов, включая постиндустриальное общество" (Мостова 2001: 23, 24)⁹.

Материалы частных архивов провинциальных дворян и дворянок, мемуарные свидетельства позволяют сделать вывод о непосредственном участии женщин в трансляции и репродуцировании различных форм социокультурного опыта, включая хозяйственный, религиозно-нравственный, коммуникативный, об их решающей роли в социализации детей обоего пола. Это наряду с другими характеристиками позволяет интерпретировать дворянскую культуру конца XVIII – первой половины XIX в. как традиционный тип культуры (Белова 2003а, 2004). Не менее важна при этом и гендер-

ная специфика провинциальной повседневности, обусловленная фактором неизменного и преобладающего присутствия женщин.

Изучение женской повседневности исходит из того, что историю повседневности интересуют, во-первых, "обычные люди" в их ежедневных взаимоотношениях и взаимосвязях, их опыты ежедневной жизни, во-вторых, особенности организации и восприятия ими того "вещного мира", в котором протекала их обыденная жизнь, и, в-третьих, ментальный склад, проявляющаяся изо дня в день эмоциональность как выражение их индивидуальности, разнообразие женской субъективности, отношение субъективных опытов к общественному контексту. Причем эти три аспекта особым образом детерминированы как исторической ситуацией, так и сложным напластованием идентичностей – этнической, конфессиональной, социокультурной, половозрастной, национальной, гендерной (Belova 2005б). Особую роль играет локальная идентичность, ведь смена "локуса" – это не просто перемещение в пространстве, а изменение всей повседневной жизни, включая такие ее элементы, как устройство жилища, виды занятий и одежды, рацион и режим питания, речевая и письменная практика. Именно локальный аспект был подвержен действию совокупности факторов, таких как климатические условия, социальное окружение, культурно-бытовые традиции, политические события.

Значение анализа женской повседневности на примере повседневной жизни российских дворянок доиндустриального времени (как одного из вариантов прикладных изысканий) для современных этнологических исследований определяется возможностью на его основе изучить дворянство "изнутри", проследить динамику этнокультурного развития дворянской общности в зависимости не столько от внешних макроизменений в социально-экономической и идейно-политической сферах, сколько от внутренних трансформаций ментальности и этоса, по-разному проявлявшихся у представителей обоих полов. Одна из перспектив в изучении женской повседневности заключается в сопоставлении материальных форм существования, эмоциональности и социальной жизни представительниц разных слоев русского дворянства (внутренне сложно дифференцированного), а также женщин-дворянок и мужчин-дворян с их специфическим осознанием собственных этнокультурной, локальной и половой идентичностей.

В заключение хочется подчеркнуть, что изучение женской повседневности как способа исторической интерпретации человеческой субъективности во всех многообразных ее проявлениях может стать в российской, как и в западных историографиях, одним из реальных вариантов перехода от событийно-политизированной истории структур к антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории. Однако пока реализации этого проекта препятствуют многочисленные негативные стереотипы, распространенные в научном сообществе, в частности, такие, как неприятие "новых" субдисциплин: истории повседневности, истории женщин, гендерной истории, непризнание их познавательного потенциала для создания нового качества социальной истории, недооценка значения субъективных источников и собственно множественности исторических субъективностей, переживаний и опытов конкретных людей для изучения прошлого.

Примечания

¹ Выборочно историографию российской истории повседневности см.: Пушкарева 2004.

² В английском и французском языках – в отсутствии отдельной лексемы – "повседневность" передается выражением "повседневная жизнь" (everyday life, la vie quotidienne). В немецком, как и в русском, выражение "повседневная жизнь" – das Alltagsleben – сосуществует со словом "повседневность" (die Alltäglichkeit). Есть в немецком языке и слово "будний день", "будни" – оно мужского рода: der Alltag.

³ У А. Шютца (Alfred Schütz) "жизненный мир" (die "Lebenswelt") – это мир повседневности.

⁴ *History Workshops, Geschichtswerkstätten* – исторические мастерские, или семинары – конференции по истории и историографии, доступные широким кругам, а также долгосрочные рабо-

чие группы по истории, объединяющие как профессионалов, так и интересующихся дилетантов (Davín 1994: 57).

⁵ Подробнее см.: Пушкарева 2004.

⁶ "Повседневие" – "один из видов богослужения – вечерни, который служится в будничные, не праздничные дни" (СЛРЯ XI–XVII вв. 1989: 175).

⁷ Аналогичное значение слов "повседневность", "повседневный", "будни" именно как "вседневность", "вседневный", "все дни", звучит и в немецком языке: die Alltäglichkeit, alltäglich, der Alltag.

⁸ Данный аспект применительно к вербальному дискурсу и женскому письму давно разрабатывается феминистской литературной критикой (Иригарэ 2001: 132; Колодны 2001: 836).

⁹ См. также: Groh 1992b: 49.

Литература

Белова 2001а – Белова А.В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII – первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: Матер. V конф., посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2001 г.) / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб., 2001. С. 49–55.

Белова 2001б – Белова А.В. "Женское письмо" в дворянской культуре России конца XVIII – первой половины XIX века // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов: Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М., 2001. С. 260–273.

Белова 2003 – Белова А.В. Повседневность русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (к постановке проблемы) // Социальная история. Ежегодник, 2003: Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. М., 2003. С. 269–284.

Белова 2004 – Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал / Гл. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново, 2004. № 1 / 2 (30–31). С. 72–82.

Белова 2005 – Белова А.В. Женская повседневность как предмет этнологического изучения // VI Конгр. этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тез. докл. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2005. С. 284–285.

Будде 1999 – Будде Г.-Ф. Пол истории // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования: Сб. ст. / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 1. М., 1999. С. 131–154.

Гуревич 1996 – Одиссей. Человек в истории. 1996 / Гл. ред. А.Я. Гуревич. М., 1996.

Даль 1981 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 2. М., 1981.

Иригарэ 2001 – Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; Санкт-Петербург, 2001. С. 127–135.

Козлова 1998 – Козлова Н.Н. Новые черты сегодняшней ситуации человека // Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1998. С. 170–185.

Колодны 2001 – Колодны А. Танцы на минном поле. Некоторые наблюдения относительно теории, практики и политики феминистской литературной критики // Введение в гендерные исследования... С. 822–850.

Мостова 2001 – Мостова Л.А. Парадигмы антропологической теории на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв. или парадоксы научной динамики // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов: Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М., 2001. С. 21–27.

Оболенская 1990 – Оболенская С.В. "История повседневности" в современной историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 182–198.

Оболенская 1996 – Оболенская С.В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования "истории повседневности" // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 128–147.

Ожегов 1984 – Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М., 1984.

Перро 2003 – Перро М. История под знаком гендера // Социальная история. Ежегодник, 2003. С. 45–54.

Приложение 2003 – Приложение к постановлению Президиума РАН от 1 июля 2003 г. № 233 "Основные направления фундаментальных исследований" // Поиск: Еженедельная газета научного сообщества. 2003. № 35 (745). С. 5–6.

Пушкарева 2000а – Пушкарева Н.Л. Как заставить заговорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2000. № 2. С. 27–42.

Пушкарева 2000б – Пушкарева Н. Между "тюрьмой" и "хаосом". Феминистская эпистемология, постмодернизм и историческое знание // Пол. Гендер. Культура... Вып. 2. М., 2000. С. 221–229.

Пушкарева 2000в – Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–69.

Пушкарева 2001 – Пушкарева Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки // ЭО. 2001. № 2. С. 31–40.

Пушкарева 2002а – Пушкарева Н.Л. Новейшие разработки в области "женской истории" в России: направления и методы научного поиска (1986–2000 гг.) // Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения "женской темы" русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Матер. к библиографии. М., 2002. С. 34–45.

Пушкарева 2002б – Пушкарева Н.Л. Частная жизнь и повседневность: глазами историка // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: Тез. докл. науч. конф. (Москва, 27–28 февраля 2002 г.) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2002. С. 44–46.

Пушкарева 2003 – Пушкарева Н.Л. Женская история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы // Социальная история. Ежегодник, 2003. С. 9–44.

Пушкарева 2004 – Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения "истории повседневности" // ЭО. 2004. № 5. С. 3–19.

Ревель 1995 – Ревель Ж. Микроанализ и воссоздание социального: Лекция, прочитанная в центре М. Блока 9 сентября 1994 г. М., 1995.

Ревель 1996 – Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. С. 110–127.

Румянцева 1998 – Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII – начала XX века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 318–504.

Савкина 2001 – Савкина И.Л. "Пишу себя...": Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Тампере, 2001.

СЛРЯ XI–XVII вв. 1989 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989.

Ястребицкая 2001 – Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов... С. 37–59.

Belova 2003 – Belova A. Women's Letters and Russian Noble Culture of the Late 18th and Early 19th Centuries // Women and Gender in 18th-Century Russia / Ed. W. Rosslyn. Ashgate, 2003. P. 147–161.

Belova 2005 – Belova A. Die nationale und geschlechtliche Identität der russischen adligen Frau am Ende des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / Hrsg. von E. Cheauré, R. Nohejl, A. Napp. Würzburg, 2005. S. 375–386.

Borscheid 1990 – Borscheid P. Alltagsgeschichte – Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit? // Über das Studium der Geschichte / Hrsg. von W. Hardtwig. München, 1990. S. 389–407.

Bridenthal et al. 1977 – Becoming Visible: Women in European History / Eds. R. Bridenthal, C. Koonz. Boston, 1977.

Bruguière et al. 1987 – Bruguière A., Burke P., Chartier R., Le Goff J., Hutton P. H., Meier Ch., Sprandel R., Vovelle M. Mentalitäten – Geschichte: Zur historischen Rekonstruktion geistiger Prozesse / Hrsg. von U. Raulff. B., 1987.

Burkardt 1994 – Burkardt A. "Am Leben gescheitert?" Die Kritik der Mentalitäts-geschichte in Frankreich und der Alltag // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster, 1994. S. 59–77.

Burke et al. 1992 – Burke P., Geertz C., Ginzburg C., Isaac R., Sahlin M., Turner V. Das Schwein des Häuptlings: Sechs Aufsätze zur Historischen Anthropologie / Hrsg. von R. Habermas und N. Minkmar. B., 1992.

- Corbin et al.* 1989 – *Corbin A., Farge A., Perrot M.* Geschlecht und Geschichte: Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich? / Hrsg. von M. Perrot. Frankfurt am Main, 1989.
- Cornelißen* 2000 – *Geschichtswissenschaften: Eine Einführung* / Hrsg. von Ch. Cornelißen. Frankfurt am Main, 2000.
- Davin* 1994 – *Davin A.* Frauen und Alltagsgeschichte // *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster, 1994. S. 37–58.
- Diekwisch* 1994 – *Diekwisch H.* Einleitung // *Alltagskultur, Subjektivität...* S. 7–13.
- Duby et al.* 1994 – *Duby G., Perrot M.* Vorwort. Eine Geschichte der Frauen schreiben // *Geschichte der Frauen* / Ed. G. Duby, M. Perrot. Bd. 4: 19. Jahrhundert / Hrsg. von G. Fraisse und M. Perrot. Frankfurt am Main; New York, 1994. S. 9–10.
- Ehalt* 1984a – *Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags* / Hrsg. von H.Ch. Ehalt. Wien; Köln; Graz, 1984.
- Ehalt* 1984b – *Ehalt H.Ch.* Geschichte von unten: Umgang mit Geschichte zwischen Wissenschaft, politischer Bildung und politischer Aktivierung // *Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags* / Hrsg. von H.Ch. Ehalt. Wien; Köln; Graz, 1984. S. 11–40.
- Ehalt* 1984c – *Ehalt H.Ch., Konrad H.* Vorwort der Herausgeber // *Geschichte von unten...* S. 7–9.
- Gebauer et al.* 1989 – *Gebauer G., Kamper D., Lenzen D., Mattenklott G., Wulf Ch., Wünsche K.* Historische Anthropologie: Zum Problem der Humanwissenschaften heute oder Versuche einer Neubegründung. Hamburg, 1989.
- Groh* 1992a – *Groh D.* Anthropologische Dimensionen der Geschichte. Frankfurt am Main, 1992.
- Groh* 1992b – *Groh D.* Ethnologie als Universalwissenschaft // *Groh D.* Anthropologische Dimensionen der Geschichte. Frankfurt am Main, 1992. S. 42–53.
- Groh* 1992c – *Groh D.* "Geschichte von unten – Geschichte von innen". Blick über die Grenzen // *Groh D.* Anthropologische Dimensionen der Geschichte. Frankfurt am Main, 1992. S. 175–181.
- Iggers* 1996 – *Iggers G.G.* Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Göttingen, 1996.
- Kessel* 2000 – *Kessel M.* Mentalitätengeschichte // *Geschichtswissenschaften: Eine Einführung* / Hrsg. von Ch. Cornelißen. Frankfurt am Main, 2000. S. 235–246.
- Lipp* 1986 – *Schimpfende Weiber und patriotische Jungfrauen. Frauen im Vormärz und in der Revolution 1848* / Hrsg. von C. Lipp. Bühl-Moos, 1986.
- Lipp* 1988 – *Lipp C.* Überlegungen zur Methodendiskussion. Kulturanthropologische, sozialwissenschaftliche und historische Ansätze zur Erforschung der Geschlechterbeziehung // *Frauenalltag. Beiträge zur 2. Tagung der Kommission Frauenforschung in der DGV.* Frankfurt; Bern; New York, 1988. S. 29–46.
- Lipp* 1994 – *Lipp C.* Alltagskulturforschung in der empirischen Kulturwissenschaft und Volkskunde // *Alltagskultur, Subjektivität...* S. 78–93.
- Lüdtke* 1994 – *Lüdtke A.* Stofflichkeit, Macht-Lust und Reiz der Oberflächen: Zu den Perspektiven von Alltagsgeschichte // *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion* / Hrsg. von W. Schulze. Göttingen, 1994. S. 65–80.
- Medick* 1994 – *Medick H.* Mikro-Historie // *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte...* S. 40–53.
- Niethammer* 1989 – *Niethammer L.* Posthistoire: Ist die Geschichte zu Ende? Hamburg, 1989.
- Schulze* 1994a – *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion* / Hrsg. von W. Schulze. Göttingen, 1994.
- Schulze* 1994b – *Schulze W.* Einleitung // *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte...* S. 6–18.
- Vogel* 2000 – *Vogel J.* Historische Anthropologie // *Geschichtswissenschaften: Eine Einführung* / Hrsg. von Ch. Cornelißen. Frankfurt am Main, 2000. S. 295–306.

A.V. Belova. Women's Everyday as a Subject of the History of Everyday Life

The article is an analysis of historiographical and methodological aspects of the issue of women's everyday in the context of interdisciplinary interactions of the history of everyday life, the history of women and gender, and ethnology. The author discusses the definitions of the "everyday" and "women's everyday", as well as the significance and relevance of sources for the study of women's everyday life, and differences between what properly constitutes women's and men's everyday life. In the course of the analysis, the author tests possibilities for an ethnological study of women's everyday, and for the conceptualization of the issue in the light of an anthropologically informed and gender-sensitive social history.